

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ПУБЛИКАЦИЙ У. ДЮРАНТИ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Рассматриваются методики дискурс-анализа публицистического текста. Описываются особенности геополитического советского дискурса на примере репортажей У. Дюранти, характеризуются его компоненты: хронотоп, ценностно-идеологическая ориентация, агенты и клиенты, структура текста, стратегии и риторические приемы.

Ключевые слова: дискурс, публицистика, категории дискурса.

Данная статья посвящена рассмотрению дискурсивной модели публикаций У. Дюранти (1884–1957) о Советском Союзе. Это журналист британского происхождения, который в 1932 г. получил Пулицеровскую премию за серию статей о Советском Союзе, опубликованную в газете *The New York Times* в 1931 г. Главная тема этих публикаций – СССР в период индустриализации страны. В Советский Союз журналист приехал в 1921 г. В общей сложности У. Дюранти пробыл в СССР 13 лет, вплоть до отъезда в США в 1934 г.

В рассматриваемый период времени газетой *The New York Times* руководил А. Окс. Адольф Саймон Окс (1858–1935) – американский журналист и издатель, руководивший газетой *The New York Times* в течение почти сорока лет – с 1896 по 1935 г. Под его руководством газета приобрела репутацию объективного и правдивого источника новостей.

Статьи У. Дюранти отличаются просоветской направленностью. Несколько общественных организаций обращались в Пулицеровский комитет с просьбой отозвать награду У. Дюранти за явно выраженное в его статьях уважение к И.В. Сталину, за его отрицание голода на Украине. В 2003 г. редакция *The Times* наняла эксперта, профессора Марка фон Хагена, для проведения экспертизы работ Дюранти. Марк фон Хаген объявил, что работы Дюранти несбалансированны и не критичны, содержат признаки просоветской пропаганды. Он заявил, что для сохранения чести и достоверности газета *The New York Times* должна просить Пулицеровский комитет отозвать свою премию. Комитет объявил о своем решении не отзывать премию, хотя и указал на то, что «работы У. Дюранти 1931 г. не соответствуют современным стандартам международного репортажа», «но в них нет признаков намеренной лжи» [1]. Однако в 1932 г. статьи Дюранти о Советском Союзе вызвали раздражение у американских читателей. Они шли вразрез с официальной редакционной политикой *The New York Times*.

Таким образом, посредством восстановления некоторых экстратекстуальных элементов, контекстно-ситуативной обусловленности (исторического фона, идеологической направленности публикаций, контрастирующей с идеологией издания), мы можем охарактеризовать одну из категорий дискурса – хронотоп.

Современная лингвистика разрабатывает различные методики анализа дискурса. Учёные дают определения дискурсу, в которых подчеркивается роль внеязыковой действительности для интерпретации текста: «дискурс = подязык + текст + контекст» [2. С. 16], «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [3. С. 137], «текст в его становлении перед мысленным взором интерпретатора» [4. С. 116]. Основные направления этих разработок обусловлены двумя не противореча-

щими, но ставящими во главу угла разные аспекты дискурса понимания термина. Первое определение может быть сформулировано следующим образом: «дискурс – это коммуникативное событие, зафиксированное в письменном тексте или устной речи, осуществляемое в типологически обусловленном коммуникативном пространстве» [5. С. 75]. Это понимание идет от определения дискурса Н.Д. Арутюновой. Дискурс-анализ призван определить степень влияния экстралингвистического фона (определенной ментальной сферы) на формирование языковых закономерностей текста (как представителя определенного типа текстов). Другое понимание термина – «совокупность тематически соотношенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены так или иначе к одной общей теме. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Там же. С. 76]. Дискурсивные формации предлагается рассматривать в качестве специальных дискурсов (типов дискурса): выделяются медицинский, юридический, политический, рекламный и т.д. дискурсы. Направление исследований – какие элементы отдельных текстов являются общими, типичными, какие типы текстов репрезентируют дискурс, какие разные типы текстов могут конструировать дискурс.

Современные дискурсивные исследования предопределены более ранними исследованиями, например, велика роль Женевской лингвистической школы в становлении дискурс-анализа [6. С. 31–32]. Французская школа дискурс-анализа начинает складываться в 60–70-е годы XX в. как интегративное учение из соединения истории, философии, психоанализа, лингвистики. Дискурсивный анализ, по М. Фуко, ищет ответ на вопрос «Почему имеет место данное высказывание и никакое другое на его месте?». При таком подходе, в центре которого стоит задача исторической реконструкции условий возникновения высказывания, лингвистический анализ оказывается второстепенным [5. С. 70]. П. Серию основной составляющей анализа дискурса считает восстановление идеологии, под которой понимается не «организованная система идей», а «любой языковой и еще шире – семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности» [Там же. С. 73]. Немецкая школа дискурсивного анализа (У. Маас, Ю. Линк, Ю. Хабермас) продолжает принципы французских исследователей. «Любой текст является частью и выражением общественной практики, которая уже определяет массу других возможных текстов» [Там же. С. 72].

В концепции голландского ученого Т.А. ван Дейка дискурс – это одна из форм легитимизации социально-

го неравенства. В его концепции дискурс воспроизводит социальную иерархию и призван оправдывать и закреплять социальное неравенство. Акцент в теории ван Дейка ставится на исследовании и нахождении в дискурсе когнитивных структур общественного сознания [7. С. 375–404]. «Ключевым понятием, связанным с социокогнитивной теорией контроля над умами, является ментальная модель, представляющая собой репрезентацию приобретенного опыта в долгосрочной памяти. <...> Эти “предпочтительные модели” образуются от конкретных дискурсивных структур в индивидуальных коммуникативных контекстах (ситуациях). Для конструирования и навязывания таких предпочтительных моделей используются дискурсивные стратегии. <...> Однако понимание событий или им посвященных дискурсов – это не просто индивидуальный процесс, ибо он также требует интеграции релевантных (соответствующих и значимых) мнений, представлений и убеждений, связанных с “социально-общими” (“социально разделёнными”) смыслами, характерными для этой модели. Следовательно, модели являются ключевым интерфейсом между индивидуальным и общим, между личным и общественным. Влияние медиадискурса, таким образом, заключается прежде всего в контроле над моделями пользователей медиа <...> медиа выполняют функцию социального регулирования индивидуальных моделей» [8. С. 60–61]. Итак, основное внимание Т.А. ван Дейк уделяет дискурсу масс-медиа: именно доминирующие медийные тексты являются источником для формирования общих идеологических моделей и установок.

В теории критического дискурс-анализа Н. Фэрклоу (который основное внимание уделяет также дискурсу масс-медиа) акцент ставится на интертекстуальных и интердискурсивных связях дискурсов, на различиях в восприятии одной и той же информации различными аудиториями. Важное значение для Н. Фэрклоу при характеристике типа дискурса имеют такие категории, как жанр (в дискурсе может наблюдаться взаимодействие разных жанров), тип актуализации, стиль, модус, голоса (*genre, activity type – the compositional structure of a discourse type, its organization as a structured sequence of parts (activities), style, mode, voices*) [9. С. 76–77].

Некоторые работы российских исследователей посвящены дискурсу масс-медиа. Так, Т.Г. Добросклонская пишет: «В самом общем виде медиадискурс – это совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [10. С. 21]. В её концепции центральное место занимает понятие медиатекста как «объемного многоуровневого явления». Целая система устойчивых параметров позволяет описывать медиатексты как типы текстов медиадискурса. Это следующие параметры: «1) способ производства текста (авторский – коллегиальный); 2) форма создания (устная – письменная); 3) форма воспроизведения (устная – письменная); 4) канал распространения (средство массовой информации – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет); 5) функционально-жанровый тип текста (новости, комментарии, публицистика (*features*), реклама); 6) тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику. Значение данных параметров состоит в том, что они

служат основой для лингвистического анализа медиадискурса» [Там же. С. 25]. Основными характеристиками медиатекста автор называет динамичность (повышается значимость глагольной синтагматики), сжатость (повышается общее количество лексических соединений), деперсонифицированность (насыщенность пассивными, безличными конструкциями и цитатами).

Е.О. Менджерицкая предлагает в качестве главной категории дискурса (и дискурса масс-медиа в том числе) считать категорию адресата/адресанта: «Будучи когнитивным процессом, дискурс включает в себя особенности представления и подачи информации, а также особенности её восприятия. <...> Руководствуясь этим принципом при анализе печатных изданий, можно говорить о следующих типах дискурса: дискурс качественной прессы; дискурс популярной прессы (причем следует отдельно рассмотреть дискурс “желтой прессы” и дискурс глянцевого журналов); дискурс специализированных изданий, таких как научные и научно-популярные журналы» [11. С. 54–55]. В определении дискурса, которое даёт автор, эта категория подана как ключевая: «...дискурс – это передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определённых стратегий подачи информации» [Там же. С. 55].

Вслед за Н.И. Клушиной мы употребляем термин публицистический дискурс. Центральной единицей анализа является публицистический текст, за которым признаётся высокая насыщенность авторской оценкой. «В новой стилистической системе координат публицистический текст, являясь высшим уровнем языковой иерархии, предстает как результат целенаправленного социального действия, призванный реализовать глобальную авторскую стратегию – убеждение» [12. С. 9]. Наличие в тексте авторской позиции и обоснования её с помощью стратегий и тактик аргументации позволяет с точки зрения прагматики охарактеризовать дискурс как аргументативный. Аргументация определяется учёными как «речевой акт, состоящий из ряда высказываний, которые предназначены для того, чтобы обосновывать или опровергать выраженное мнение, и направлены на то, чтобы убедить рационального судью в правильности определённой точки зрения, приемлемости или неприемлемости этого выраженного мнения» [13. С. 299–320]. Отсюда, аргументативный дискурс предназначен для «обоснования или опровержения некоторого положения (точки зрения) для восприятия и принятия его индивидуальным или коллективным реципиентом» [14].

Итак, учитывая описанные подходы к дискурс-анализу, определим характеристики изучаемых текстов как особого дискурса. Безусловно, тексты, являющиеся продуктом речевой деятельности публициста и опубликованные в том или ином СМИ (в нашем случае – печатное СМИ, газета *The New York Times*), располагаются в области медиадискурса. С другой стороны, такая характеристика текстов У. Дюранти, как высокая насыщенность авторской оценкой, позволяет интерпретировать этот дискурс как публицистический и аргументативный. В данном случае можно говорить об иерархических отношениях, складывающихся между двумя дискурсами, а также и о взаимном влиянии и

обмене качественными характеристиками. В-третьих, различные области жизни страны, рассматриваемые журналистами в их публикациях, которые в результате формируют контент газеты или журнала, могут считаться основанием для выделения в рамках публицистического дискурса различных поддискурсов – геополитического, политического, бытового и др.

Геополитика понимается как наука и практика изучения явлений с точки зрения их значимости для существующего положения различных государств и народов и их взаимодействия. «Таким образом, интересы государств, баланс сил, военные приоритеты, экономические и природные ресурсы, географическое положение стран, информационные потоки, национальные идеи, а также образы государств, система самоопределения общества, характер цивилизации, наличие и особенности международных конфликтов, как и многое другое, становится совокупностью тем для геополитического дискурса» [15]. Еще до зарождения геополитики как науки существовали идеи взаимоотношений между государствами, некоторые из которых и сейчас остаются значимыми. Одна из таких идей – «превосходство европеизма». Возможно, эти ранние идеи предвосхитили и главные вопросы ранней русской геополитики: «Является ли Россия частью Европы, западной страной? Или она – не Европа, не Азия, а своеобразный мир? Как определяют судьбу страны ее территория и географическое положение? Что России нужно делать для того, чтобы укреплять свою огромную территорию?» [Там же]. Таким образом, отталкиваясь от основной темы публикаций У. Дюранти, можно назвать этот дискурс геополитическим.

С точки зрения *social effect* (Fairclough [9] – конечной цели и результата анализа дискурса) это советский дискурс. На содержательно-тематическом уровне, уровне анализа макротем дискурса, можно обнаружить лексемы-маркеры, отражающие специфику тематического репертуара геополитического советского дискурса, актуализирующие советские ценности. Это концепты-идеологемы, репрезентируемые словами *Stalinism, Leninism, Marxism, five-year plan, socialism, Communists, proletarian revolution, Communist Youth, the Bolsheviks, «Red propaganda», Communist League of Youth, Communist «Young Pioneers», Octabryats, Intelligentsia (which means what the West would call professional men, including scientists and artists and actors and reporters), «workers and peasants of the world», the Red Army, Thcheka Battalions, Kulaks (the richer peasants who opposed the collective farm movement)* и др. Обилие лексем, отражающих советские идеологемы, их редкое объяснение на английском языке можно интерпретировать как включенность автора в советский контекст и исключенность его из идеологического «лагеря» оппонента. Автор не использует «обратную» пропагандистскую терминологию (например, «красная пропаганда»): кавычки подчеркивают отрицательное отношение автора к ней. Дюранти предпочитает использовать, даже при наличии английских эквивалентов, русские слова, отражающие концепт наиболее полно: *Intelligentsia*.

Традиционное для данного дискурса противопоставление России и Запада наблюдается и в публикациях У. Дюранти. «*Stalinism, too, has done what Lenin only*

attempted. It has re-established the semi-divine, supreme autocracy of the imperial idea and has placed itself on the Kremlin throne as a ruler whose lightest word is all in all and whose frown spells death. Try that on free-born Americans or the British with their tough loyalty to old things, or on France's consciousness of self. But it suits the Russians and is as familiar, natural and right to the Russian mind as it is abominable and wrong to Western nations» (NYT. 1931. June, 14) (NYT – *The New York Times*). В связи с этим контраст [7] – наиболее частотная стратегия Дюранти. Оппозиция касается, конечно, главного противопоставления всей публицистики данного периода: на одной чаше весов – капиталистический лагерь, на другой – социалистический. «*Lenin, too, in his early belief that the World War would end in a stalemate from which a proletarian revolution would be the only issue, was reluctant to admit that a single Socialist State could flourish in a capitalist – therefore hostile – world»* (NYT. 1931. June, 18).

Эти миры враждебны друг другу и отличаются по многим признакам: «*Russia is not static the way Western society is static, but is fizzing and bubbling and fermenting – not fixed but fluid – and moving»* (NYT. 1931. June, 27). Представители враждебно настроенных по отношению друг к другу сообществ автоматически становятся врагами. «*“We don't want bourgeois reporters – they are spies or enemies or both”»* (NYT. 1931. June, 23). Однако Дюранти склонен к использованию стратегий сотрудничества, а не редукционизма: с помощью поправок, уступок, а также в общем аналитического и критически-исторического подхода объяснить суть таких явлений, как марксизм, коллективизация и т.д.

Основные портретные черты России, стереотипно повторяющиеся в разных публикациях о России, являются для У. Дюранти аргументами для своей идеи, оригинально переинтерпретируемыми. Например, Дюранти воспроизводит стереотип об азиатском происхождении русского человека, но он трансформирует его с помощью образа (метафора *north European blood mixture* подразумевает европейское происхождение княжеского рода Рюриковичей): «*The last three words give a fiery glimpse of the Asian fanaticism that is Russia's heritage – tempered flow by icy winters and a cold, north European blood mixture to less violent if no less ruthless action»* (NYT. 1931. June, 24). Стереотип об огромных ресурсах страны неизменно сопровождается сожалениями о невозможности использовать их в полном объеме и эффективно. Дюранти же пишет о том, что именно «девственность» человеческих и природных ресурсов может стать основой невиданного индустриального подъема. «*Stalin had a clearer perception of Russia's possibilities and the reserves of untapped energy in her people, barely less “virgin” than her soil»* (NYT. 1931. June, 18).

В своем стремлении понять и объяснить необходимость пятилетки Дюранти обращается к характеру русского народа и создаёт в его портрете такую черту, как любовь к планам и необходимость иметь завышенные цели. Только тогда, когда русскому говорят прыгнуть на стол, он может запрыгнуть на стул. «*Russians ignorant or wise, have a positive passion for plans. They almost worship a plan, and the first thing any one, two or more Russians ever do about anything is make a plan for it. <...> Everyone who has employed Russians or worked*

with Russians or knows Russians finds that if he wants them to jump on a chair, he must tell them to jump on a table, and aiming at the table they will reach the chair. <...> What matters is that they keep on trying, and that is what Stalinism and its five-year plan is set to make them do. In others words, the five-year plan is something for the Russians to measure at, not for the rest of the world to measure Russians by. This sounds confusing, but it is true, and if you cannot understand it you cannot understand Russia» (NYT. 1931. June, 14).

«Уровень текстовой организации аргументативного дискурса располагает приёмами пространственного линейного выдвижения наиболее информативно значимых и ценностно-важных с точки зрения определенной идеологии элементов языковой структуры либо в начальную позицию, либо в конечную позицию предложения – высказывания, текста» [16. С. 22]. И то и другое, т.е. выдвижение ценностно-важной информации в начало и конец текста, характерно для дискурсивной модели публикаций У. Дюранти. Начальный абзац текста всегда тематически соотносим с заголовком и подзаголовком. «**Trade Equilibrium is New Soviet Goal. Moscow seeks to Equalize Sales and Purchases in Dealings with Each Country**» (NYT. 1931. June, 20). Автор указывает на серийность своей публикации. «*This is the fifth of a Series of articles on Russia today by The York Times Moscow correspondent, who is at present in Paris*». Указание на авторство (категория дискурса – агент) сопровождается упоминанием средства передачи информации. «By WALTER DURANTY. *Special Cable to The New York Times*». Указание на хронотоп дублируется в первых словах публикации – это традиционное начало американского репортажа в газете *The New York Times*. «**PARIS June 19. – The Soviet for foreign trade policy is now undergoing an evolution which perhaps has escaped the notice of Americans in the uproar about ‘Soviet dumping’ and the “Red trade menace,” but, nevertheless, is of considerable importance**» (Ibid). Репортаж заканчивается выводом. «*The depression had the effect, too, of reinforcing the Kremlin’s self-confidence, which is an important factor in view of the criticism within the Communist party against Stalinism and the five-year plan from the Left and the Right. The world depression thus has played the role of informing and directing Soviet public opinion, which is not the least part of the Stalinism program, as will be described in a following article*» (Ibid). Так как последнее предложение еще раз подчеркивает серийность публикации, то роль заключительного, в котором делается вывод, отводится предпоследнему предложению.

На уровне структуры текста обращает на себя внимание обилие повторов, используемых для акцентуации главной идеи или для привлечения внимания читателя. «*Every one who has employed Russians or worked with Russians or knows Russians finds that if he wants them to jump on a chair, he must tell them to jump on a table, and aiming at the table they will reach the chair*» (NYT. 1931. June, 14). «*Communists of any age are required to think, and try to think, and generally do think, alike*» (NYT. 1931. March, 29). «*The average (non-Communist) Russian immensely admires America and Americans, likes America and Americans, envies America*

and Americans, and hopes, with a great and, in the present circumstances, a rather pathetic hope, that one fine day he will be able to live in the way he believes the average American lives now» (Ibid). «*But truth it is – ant-heap system, ant-heap morality – each for all and all for each, not each for self and the devil take the hindmost*» (NYT. 1931. June, 24). Повтор также может выполнять функцию когезии.

Автор путем стратегий поправки и уступки [7] в сочетании с эвфемизмами, признаком новояза (newspeak – Orwell), пытается создать альтернативную версию стереотипов (по отношению к тем, которые характеризуют американское общество) о современной ему советской действительности: «*Stalin’s opponents accuse him of absolutism, and it is true and false*» (NYT. 1931. June, 27); «*The “average Russian” is a meek and long-suffering creature, but it cannot be denied that he is disturbed and distressed by the present violent change of his habits and life-ways. This violent change of his habits disturbs and distresses the “average Russian” must be understood that I am now speaking of the non-Communist Russian*» (NYT. 1931. March, 29); «*For that matter, too, Lenin’s new economic policy was a flagrant retreat from orthodox Marxism, and if Stalin has had the will and strength to correct that change of the compass and bring back the Soviet ship back to the Marxist course he may surely be pardoned for a doctrinal adjustment required and justified by circumstances*» (NYT. 1931. June, 18). «*The censorship, though strict in a certain direction, is usually applied with intelligence and moderation. Unlike most censors whom the writer has known in the past seventeen years, the Bolsheviks are always willing to discuss matters with a correspondent before a cable message is sent and meet him half way in modifying a sentence so not to break the thread of his message or even to convey in more moderate form the item disapproved*» (NYT. 1931. June, 23). Такие довольно частотные стратегии медиадискурса, как приведение примера и сравнение [7], также используются Дюранти. «*The Roman Emperor Constantine made Christianity the State religion under an absolute ruler who’s changed. Lenin made Marxism the State religion of Russia, with a change no less inevitable*» (NYT. 1931. June, 27).

С точки зрения традиционной для анализа медиадискурса методики – риторической – автор – наследник ораторского искусства древних. Он активно использует метафору, и не только как средство создания дополнительной образности. «*The Soviet’s garden is big enough and rich enough in all conscience to be worth cultivating*» (NYT. 1931. June, 25). Основная метафора текстов Дюранти – советская, но используется она как объект разъяснения, как деталь советской идеологической риторики, которую следует объяснить. «*Self-criticism is the salt in the Soviet home propaganda pie*» (NYT. 1931. June, 22); «*Must all of them and their families be physically abolished? Of course not – they must be “liquidated” or melted in the hot fire of exile and labor into the proletarian mass*» (NYT. 1931. June, 24); «*...in the U. S. S. R. the Communist party acts as a cement to bind the whole mass together and permit the facile exercise of central control*» (NYT. 1931. June, 26); «*The purpose of the propaganda – and the achievement of it – was to divert and*

merge the fresh, strong currents of minor nationalism into a mighty river of Pan-Sovietism» (Ibid).

Градиация используется как прием, усиливающий напряжение: «*All follow the same line, obey the same control and preach the same gospel»* (NYT. 1931. June, 22).

Аллитерация для англоязычной риторики – один из действенных инструментов акцентуации смысла: «*Hence Foreign Commissar Litvinoff's surprising speech at Geneva and the negotiations now proceeding with France, which both France and the Soviet Union are trying to depreciate, disguise and almost disavow»* (NYT. 1931. June, 19); «*1,000, 000 families of the best and most energetic farmers are to be dispossessed, dispersed, demolished, to be literally melted or "liquidated" into the rising flood of classless proletarians»* (NYT. 1931. June, 24).

В одной из статей У. Дюранти размышляет о «среднем русском» человеке. «*What does the average Russian think? It is a question to which the world is seeking an answer. In previous issues of the Times Magazine Mr Philip Gibbs, Andre Maurois, Emil Ludwig, William Allen White Presented the points of view of the average Englishman, Frenchman German, American and Italian. In the following article the Moscow correspondent of The New York Times analyzes the outlook of the average Russian under Soviet rule»* (NYT. 1931. March, 29). Верный своему стилю, Дюранти начинает с сильного зачина: он объявляет о парадоксе русского человека (это, как правило, противоречивая личность) и начинает с парадоксального заявления о том, что «среднего» русского человека не существует. «*In this vast, amorphous, fluid country, whose very name – Union of Socialist Soviet Republics – is deliberatively vague and un-national, all old values were upset by this revolution and the new society has not yet had time to "set"»* (Ibid). В своей оценке России как протяженной в пространстве и аморфной страны Дюранти не выходит за рамки принятых стереотипов: это стереотипные признаки России, распространенные в американской публицистике. Собственно, поиску образа так называемого среднего русского и посвящена статья.

Дюранти говорит о том, что, конечно, недооценивать влияние КПСС на умы советских людей нельзя, хотя членов партии – всего 10% населения страны. Всему остальному населению (рабочих, крестьян, интеллигенции) свойственно сомневаться в правильности дороги, которой ведет их партия, пишет Дюранти. «*They share, it may as well be admitted from the outset, a general doubt of the new and untried road along which the Kremlin is leading them»* (Ibid).

Дюранти использует риторику древнегреческих риторических школ: это сложные периоды, единоначалие, сравнение, аллитерация. «*Or whether they thrill with enthusiasm at the thought of "Socialist construction" and the slogan, "We must equal and surpass America." Or whether the suppression of small home craft and peasant production of food and commodities – which played a far greater role in Russia's economic life than is generally realized, and is the cause of no small part of the present shortage from which they suffer greatly – is not distasteful to them like soap in the mouth instead of butter. Or, finally, whether they really enjoy being herded into collective farms. <...> The "average Russian" is a meek and long-suffering creature, but it cannot be denied that he is*

disturbed and distressed by the present violent change of his habits and life-ways» (Ibid). Для связи синтаксических единиц в целое используется повтор лексем.

Дюранти воспроизводит стереотипные картинки (длинные очереди за продовольствием) и стереотипные признаки русского человека (несчастные, покорные). Конечно, русские люди встревожены и подавлены жестким нарушением их привычного образа жизни. «*In Russia universal preoccupations, so near and urgent as to take men's minds off the larger problems of foreign or even home politics. The "average Russian" thinks first and most about food and clothing. The commodity shortage is so acute nowadays that what to eat and wear counts more than the fate, of nations»* (Ibid). Автор использует контраст: он сравнивает американца и русского, и оказывается, что русский человек, хотя часто даже не может написать свое имя и больше озабочен проблемами выживания, имеет больше Идей (у автора с большой буквы) о политике и всегда готов высказаться по поводу международной обстановки. Давнишнее противостояние Америки и Европы (Англии) выразилось в тексте в виде ироничного замечания о грошовой возне в Европе: так думал Дж. Вашингтон, и так думает Советский Союз, страна, достаточно большая для «грошовой возни». «*The Soviet Union, if I may say so, is a large country, and seems to share George Washington's lack of esteem for picayune European dickering»* (Ibid). В результате возникает еще одна антитеза: «средний» русский человек и русский коммунист. Это «средний» русский озабочен больше проблемами выживания, чем политикой. Ему Америка кажется страной, где исполняются мечты. «*He thinks, in short, that America is marvellous, and he sets America before him as his goal and landmark <...> the Russian thinks of making a country like America where a poor man can own his automobile and readily enjoy a private bath»* (Ibid). В конце концов возникает некоторое абстрактное 'he', отождествляемое, по-видимому, вообще с любым русским как гражданином своей страны. Происходит метонимия: местоимения 'he', 'they' заменяют наименование страны. «*They were forced to withdraw, he remembers with satisfaction, but that did not condone their insolence <...> Britain is still his traditional enemy, the stumbling-block in all his paths»* (Ibid).

Традиционные символы-стереотипы, представляющие различные страны, также охотно используются У. Дюранти с целью создания обобщенного образа государства (Россия – это медведь, Великобритания – лев). «*There may be a truce, but no friendship, between the Lion and the Bear»* (Ibid). Главным геополитическим врагом России объявляется Великобритания. Противостояние тёмной России и просвещенного, цивилизованного Запада сохраняет своё значение, но Дюранти отмечает, что оно уже имеет меньшее влияние на самосознание русских. «*FINALLY, which is interesting, the Russian is beginning to lose his traditional respect for, the Western foreigner as a superior being, compared to whom he himself is a "dark" and backward creature»* (Ibid). В заключительном абзаце данная оппозиция актуализируется как релевантная для русского коммуниста. «*...the Communist has certain fundamental prejudices which warp his judgment. He is hampered by two convictions – first, that the rest of the world hates and fears and*

wishes to destroy the Communist regime in Russia; second, that the rest of the world for that reason is watching him like a hawk, eager to pounce, and is intensely interested in all his doings. Both these thoughts are in a sense unctious to the Communist's soul, but they keep him awake at night and frequently mislead him in the daytime» (Ibid).

Подведем итоги. Дискурсивная модель складывается из совокупности характеристик нескольких категорий дискурса: хронотоп, агенты и клиенты дискурса, концепты (ценностная составляющая дискурса), жанр, стратегии и риторические приемы. Для текстов изучаемого автора характерна следующая временная и пространственная отнесенность: автор пишет о Советском Союзе в период индустриализации и коллективизации, т.е. в 20–30 гг. XX в., находясь в Советском Союзе. Следующая категория изучаемого дискурса (агенты и клиенты) складывается из специфической позиции автора по отношению к своему читателю: будучи американским публицистом, корреспондентом американской газеты, У. Дюранти пишет для американских читателей, однако идет вразрез с идеологией «капиталистического лагеря». Он создаёт образ государства, протяженного в пространстве, отсталого по сравнению с цивилизованной Европой, но переживающей кардинальные политико-социальные изменения, русских людей – покорных, замученных, но воодушевленных коммунистической иде-

ей. Отсюда набор основных идиологем – концептов, реализующих советский дискурс – *five-year plan*, *proletarian revolution* и т.д. Жанр публикаций – features – позволяет в полной мере реализовать интенции автора. Автор, с одной стороны, является носителем всех тех стереотипов о СССР, которые характеризовали американское общество в рассматриваемый период времени, с другой стороны, он пытается их трансформировать. В дискурсе это выражается в следующих стратегиях и тактиках: уступках и поправках, ярких авторских метафорах и эвфемизмах. Состав стереотипных представлений о других странах неизбежно подвергается влияниям со стороны различных факторов: с одной стороны, исторические условия развития международных отношений дают новые представления о нациях-партнерах, с другой стороны, тексты СМИ подвергают различным трансформациям старые мнения или, наоборот, способствуют их укреплению. Средствами когнитивно-дискурсивного анализа можно обнаружить идеологическую направленность общества, производящего дискурс. Наиболее фундаментальные представления человечества хранятся в языке дольше всего; так, сопоставление различных исторических периодов развития дискурса может позволить показать разницу в идеологической составляющей концептов культуры на значительном отрезке её развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Walter Duranty*. URL: http://www.en.wikipedia.org/wiki/Walter_Duranty.
2. *Шейгал Е.И.* Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2004. 368 с.
3. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
4. *Демьянков В.З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие / Отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2003.
5. *Чернявская В.Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта; Наука, 2006.
6. *Кузнецов В.Г.* Исследование дискурса в Женевской лингвистической школе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1.
7. *Dijk van T.A.* Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. Amsterdam: Mouton Publishers, 1983.
8. *Зайцев Е.Б.* Т.А. ван Дейк о роли критического дискурс-анализа в изучении СМИ // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
9. *Fairclough N.* Media Discourse. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.
10. *Добросклонская Т.Г.* Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20–33.
11. *Менджерцкая Е.О.* Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2.
12. *Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста. М.: МедиаМир, 2008. 244 с.
13. *Третьякова Т.П.* Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование: Сб. ст. / Под ред. С.И. Дудника. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004.
14. *Гурочкина А.Г.* Аргументативный дискурс парламентских дебатов. URL: <http://www.russian.slavica.org/article2277.html>
15. *Луна Моралес Х.* Геополитические учения и геополитический дискурс в журналистике (на материале публикаций в газетах «Время новостей», «Коммерсантъ», «Нью-Йорк Таймс» и «Эль Паис»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
16. *Рябова М.Ю.* Лингвистические категории идеологического анализа медиа-дискурса: Учеб. пособие. Томск, 2008.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 марта 2011 г.